

«Правоотношения» и «общественные отношения» как парные категории

Резюме. В статье исследованы современные дискуссионные вопросы правоотношений, общественных отношений; правовых, социальных и индивидуальных регуляторов правоотношений и общественных отношений; актуальные национальные и международные акты, монографии, диссертации и иные научные публикации. Использована общенаучная методология — философия, логика, теория систем и информатика. Автором исследованы и приняты во внимание общенаучные выводы К. Маркса, Ф. Энгельса и Н. Винера, а также позиции признанных российских специалистов в сфере общей теории права — прежде всего Н. Г. Александрова, А. С. Пиголкина и А. М. Васильева. В работе сделаны следующие выводы: 1) фактические правоотношения возникают объективно и являются первичными по отношению к правовым регуляторам; 2) «правоотношения» и «общественные отношения» — парные категории, имеющие как общие, так и специальные признаки; 3) правоотношения «организуются» правовыми и индивидуальными регуляторами; 4) «правоотношения» и «правовые регуляторы правоотношений» — онтологически разнородные правовые категории; 5) правоотношения и правовые регуляторы правоотношений не являются однородными элементами единой системы форм права, содержащей только онтологически однородные и лишь правовые регуляторы.

Ключевые слова: правоотношение; общественные отношения; парные правовые категории; фактические правоотношения; общие и специальные признаки; интегративное правопонимание

Для цитирования: Ершов В. В. «Правоотношения» и «общественные отношения» как парные категории. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 5. С. 130–143. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.210.5.130-143

Legal Relations and Public Relations as Paired Categories

Valentin V. Ershov
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines modern controversial issues of legal relations, public relations; legal, social and individual regulators of legal relations and public relations; current national and international acts, monographs, dissertations and other scientific publications. The general scientific methodology is used — philosophy, logic, systems theory and computer science. The author has researched and taken into account the general scientific conclusions of Marx, Engels and Wiener, as well as the positions of recognized Russian experts in the field of general theory of law, primarily N. G. Alexandrova, A. S. Pigolkina and A. M. Vasilyeva. The paper draws the following conclusions: 1) actual legal relations arise objectively and are primary in relation to legal regulators; 2) legal relations and public relations are paired categories with both general and special features; 3) legal relations are «organized» by legal and individual regulators; 4) legal relations and legal regulators of legal relations are ontologically heterogeneous legal categories; 5) legal relations and legal regulators of legal relations are not homogeneous elements of a unified system of forms of law containing only ontologically homogeneous and only legal regulators.

Keywords: legal relationship; public relations; paired legal categories; actual legal relations; general and special features; integrative legal understanding

Cite as: Ershov VV. Legal Relations and Public Relations as Paired Categories. *Lex russica*. 2024;77(5):130-143. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.210.5.130-143

24 октября 2023 г. в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась научная конференция «Правовые категории», посвященная 100-летию со дня рождения профессора Андрея Михайловича Васильева. На этой конференции, проведенной, что особенно показательно, в день рождения названного ученого, было подчеркнуто: наиболее значимой работой А. М. Васильева стала монография «Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права», изданная в 1976 г. В данной монографии автор сделал убедительный вывод: «...правовые категории — наиболее глубокие, фундаментальные понятия, являющиеся пределом обобщения...»¹. В дальнейшем А. М. Васильев справедливо конкретизировал: «...правовые категории не могут рассматриваться без учета их взаимосвязей»². При таком теоретическом подходе возникает и следующий вопрос: существуют ли взаимосвязи не только правовых категорий, но также правовых категорий и иных социальных категорий, в том числе «правоотношений» и «общественных отношений»?

Фундаментальный общенаучный ответ на этот вопрос, на мой взгляд, содержится в работе классиков марксизма. Прежде всего необходимо подчеркнуть: К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе» выработал важнейшую точку зрения: «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений»³. В дальнейшем он конкретизировал свой вывод: «...люди... устанавливают общественные отношения соответственно развитию их материального производства, создают также... категории соответственно

своим общественным отношениям (курсив мой. — В. Е.)»⁴. Наконец, К. Маркс пришел к следующему заключению: «Право возникает из общественной потребности... обеспечить “урегулированность и порядок”, которые являются формой общественного упрочения данного способа производства (курсив мой. — В. Е.)»⁵. Не могу не привести и следующий общенаучный аргумент, сформулированный Н. Винером — признанным основателем кибернетики, который называл общественные отношения «содержанием, полученным из внешнего мира... в процессе нашего приспособления к нему, мерой организации сложной системы»⁶.

При таких общенаучных аргументах, полагаю, возможно выработать и следующую предварительную точку зрения: «правоотношения» и «общественные отношения» убедительно рассматривать в качестве парных категорий, имеющих как общие, так и специальные признаки. По существу, с позиции теории права такой вывод фактически разделял и А. М. Васильев, писавший: «Парность характерна для всех явлений и процессов объективного мира»⁷. Далее он обоснованно выделял преимущества исследований социальных явлений в качестве парных категорий: «...теоретическая мысль не просто констатирует наличие парности явлений, а стремится выразить в своем понятийном аппарате характер связей, взаимодействия парных явлений, отношений между ними... рассмотрение... определенных категорий... как парных... само по себе отражает диалектику отношений между... соотносимыми явлениями...»⁸. Вместе с тем А. М. Васильев с сожалением пришел к следующему убеждению: явление парности в юридической литературе рассматривалось недостаточно⁹. В этой

¹ Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М. : Юрид. лит., 1976. С. 87.

² Васильев А. М. Указ. соч. С. 94.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 3.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 133.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25. Ч. II. С. 356.

⁶ Винер Н. Кибернетика и общество. М. : Издательство иностранной литературы, 1958. С. 30.

⁷ Васильев А. М. Указ. соч. С. 240.

⁸ Васильев А. М. Указ. соч. С. 241.

⁹ Васильев А. М. Указ. соч. С. 244–245.

связи, пользуясь 100-летием уважаемого профессора А. М. Васильева, предлагаю на страницах настоящего журнала продолжить дискуссию как о парности правовых категорий, так и о парности правовых категорий, а также иных социальных категорий, в том числе «правоотношений» и «общественных отношений». Анализируя вопрос о парности правовых категорий и иных соответствующих социальных категорий, необходимо согласиться с мнением профессора А. М. Васильева о том, что, исследуя этот вопрос, невозможно не учитывать точку зрения Ф. Энгельса, сформулированную им в работе «К жилищному вопросу»: «На известной, весьма низкой ступени развития общества возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, разделения и обмена продуктов, позаботиться о том, чтобы индивид подчинился общим условиям производства и обмена. Это правило, вначале выражавшееся в обычае, становится затем законом»¹⁰.

В России Г. Ф. Шершеневич более детально исследовал социальные нормы, регулирующие общественные отношения, в работе «Общая теория права», включающей гл. IV «Правила общежития» и гл. VI «Право»¹¹. «Где есть общество, — пришел названный автор к общенаучно подтвержденной точке зрения, — там должны быть и правила общежития, или социальные нормы. Социальные нормы определяют поведение человека в обществе, а следовательно, отношение человека к другим людям. <...> Социальная норма не есть ни суждение, ни совет, ни просьба, но всегда повеление (курсив мой. — В. Е.)»¹². Эти повеления «исходят всегда от авторитета, который приобретается в глазах подчиняющегося индивида благодаря власти, силе, уважению»¹³. По мнению Г. Ф. Шершеневича, основная идея социальных правил общежития — самосохранение как индивида, так и общества — совокупности индивидов¹⁴. Однако

социальные нормы, правила общежития, были в недостаточной степени определенными, обязательными, принудительно исполняемыми и конкретизированными.

Таким образом, возможно констатировать: в связи с диалектическим развитием общественных отношений возникла объективная необходимость в становлении и развитии разновидности общественных отношений, которые, например, в Риме на первом этапе назывались «юридическими отношениями» (*juris vinculum*), а в дальнейшем — «правоотношениями», признававшимися римскими юристами «путами» и «кандалами»¹⁵, т.е. взаимосвязью индивидов. Правоотношения прежде всего характеризовались определенностью, обязательностью, принудительной исполнимостью и конкретизированностью. Следовательно, это были отношения, урегулированные правом, теоретически точнее — правовыми регуляторами, а не разнообразными социальными регуляторами, в том числе как правовыми, так и неправовыми. Такой теоретический вывод может быть основан и на общенаучных аргументах. Так, К. Маркс, вырабатывая формулу диалектического развития социальных явлений, констатировал: «Развитие есть не саморазвитие идеи, а саморазвитие, самодвижение самой реальной действительности»¹⁶, т.е. общественных отношений. В результате он сформулировал и итоговое заключение: «Урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола. Если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и... санкционируется как положительный закон»¹⁷.

Научные работники, специально исследовавшие проблемы происхождения права, теоретически точнее — правовых регуляторов правоотношений, выделяют не менее девяти

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 1. С. 576.

¹¹ Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. М. : Статут, 2016. Т. 4. С. 138.

¹² Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 138.

¹³ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 138.

¹⁴ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 145.

¹⁵ Стучка П. И. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. 3-е изд., пересмотр. и доп. М., 1924. С. 106.

¹⁶ Цит. по: История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа / отв. ред. М. М. Розенталь. М. : Мысль, 1971. С. 23.

¹⁷ Маркс К. Капитал: критика политической экономии. М. : Госполитиздат, 1953. Т. 3. С. 806.

самостоятельных специальных концепций¹⁸. Е. З. Бекбаев убедительно предлагает «для обогащения научных знаний о происхождении права... рассмотреть более детально вопросы влияния на генезис права, поскольку атрибутивным признаком права и правовых норм является их письменная форма. В этой связи вопросы происхождения права рассматриваются... с позиции обоснованного Г. И. Муромцевым “широкого” подхода, согласно которому правогенез изучается в контексте всемирной эволюции. При таком подходе социальным факторам возникновения права предшествуют природные факторы такого же характера, а исходным... становится тезис о возникновении права одновременно с человеческим обществом»¹⁹.

Вместе с тем, к сожалению, в современных национальных правовых актах, как правило, не дифференцируются правоотношения и общественные отношения, а также правовые и социальные регуляторы. В результате реализации социальных регуляторов, например, правоприменительными органами могут быть нарушены права и правовые интересы участников правоотношений. Так, в ст. 6 гл. 2 «Принципы уголовного судопроизводства» УПК РФ установлен термин «справедливое наказание». В части 1 ст. 6 УК РФ выработано аутентичное толкование термина «справедливое», которое должно «соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного».

Но указанное разъяснение законодателем термина «справедливое» вызывает другой вопрос: не являются ли при таком толковании термины «справедливое» и «объективное» синонимами? И главное: какое же наказание является для данного подсудимого «справедливым»? Как известно, «справедливость» — это весьма неопределенное понятие о должном... Можно привести и множество других примеров. Так, в п. 1 ст. 1 ГК РФ содержится термин «отношения», а в п. 3 той же статьи — «правоотношения». В пункте 1 ст. 10 ГК РФ законодателем установлен другой неопределенный термин — «злоупотребление правом», вызывающий в судебной практике бесчисленное количество споров. Далее хотелось бы привести и другие факты применения в современ-

ных национальных кодексах социальных, а не правовых регуляторов. Так, в ч. 2 ст. 12 ГК РФ установлен термин «правильное применение законодательства»; в п. 3 ст. 1 ГК РФ констатируется: участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. В этой связи у участников правоотношений зачастую возникают вопросы: действуют ли они «правильно» и «добросовестно»? Перед правоприменительными органами, рассмотревшими те или иные споры, тоже всегда могут поставлены вопросы: «правильно» и «добросовестно» ли они вынесли соответствующие акты?

Хотелось бы также привести несколько цитат из специальной литературы. Так, несмотря на известные примеры соответствующих позиций классиков марксизма, Р. О. Халфина, исходя из концепции юридического позитивизма, выработала другую точку зрения: «Правоотношение как форма соответствующего общественного отношения создается нормой права... правоотношение должно соответствовать той его модели, которая дана в норме... Норма означает долженствование; правоотношение — реальность... связь нормы и правоотношения правильнее рассматривать как реализацию нормы, ее воплощение в жизнь со всей сложностью опосредующих связей, а не как единство»²⁰.

В то же время, во-первых, категории возникают в соответствии с объективным развитием материального производства, а не «нормой права», и поэтому правоотношение, наоборот, должно соответствовать объективной реальности, а не «модели, которая дана в норме».

Во-вторых, определяя правоотношение только как «реальность», названный автор, на мой взгляд, ограничился лишь одним лапидарным словом, не выделив его существенные общие и специальные признаки. В-третьих, с одной стороны, думаю, действительно, «правоотношение» и «норма права» — разные правовые категории; вместе с тем, с другой стороны, по-моему, весьма неопределенное понимание правовой категории «правоотношение» как «ее воплощения в жизнь со всей сложностью опосредующих связей» возможно признать очевидно недостаточным.

В анализируемой в настоящей статье монографии А. М. Васильева содержится глава IX

¹⁸ Бекбаев Е. З. Происхождение письменного права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2023. Т. 27. № 1. С. 8.

¹⁹ Бекбаев Е. З. Указ. соч. С. 9.

²⁰ Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М. : Юрид. лит., 1974. С. 37, 40.

«Парные правовые категории». В этой связи вновь возникает вопрос: могут ли не только правовые категории, но также правовые и иные социальные категории признаваться парными? В указанной главе, полагаю, автор, по существу, выработал ответ на данный вопрос: «...как парные категории... следует рассматривать лишь соотносимые понятия, которые отражают взятые с точки зрения единой основы противоположные проявления ее сущности»²¹.

При таком толковании понятия «парные категории» встает следующий вопрос: как можно уяснить для себя и разъяснить для других фразу «соотносимые понятия, имеющие единую основу, но проявляющие противоположную сущность»? На мой взгляд, «единая основа» правоотношения и общественных отношений проявляется в том, что они имеют общие признаки — прежде всего возникают объективно и определяют «правила общежития» совместно проживающих индивидов. Выделение соотносимых общих признаков, думаю, позволяет признавать «правоотношение» и «общественные отношения» парными категориями. Вместе с тем «противоположная сущность» правоотношения и общественных отношений, по-моему, в частности, выражается в том, что они имеют специальные признаки и «организуются» правовыми либо социальными регуляторами. Как представляется, правовые регуляторы правоотношений прежде всего характеризуются в большей степени определенностью, обязательностью, принудительной исполнимостью и конкретизированностью, тогда как социальные регуляторы общественных отношений — в меньшей степени определенностью, обязательностью, принудительной исполнимостью и конкретизированностью.

Как это ни странно, А. М. Васильев выработал два взаимоисключающих ответа на данный вопрос. Первый вариант ответа основан на общенаучных аргументах классиков марксизма: «Исторически первоначально, как простейшая правовая конкретность, — писал он, — выступает правоотношение в виде определенного порядка фактических, повторяющихся и охра-

няемых отношений»²². Изложенная точка зрения А. М. Васильева общенаучно убедительна и основана, возможно, на недостаточно знакомой для читателей фразе Ф. Энгельса: «Чтобы понять известные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать изолированно, а в таком случае сменяющиеся движения выступают перед нами — одно как причина, другое как следствие»²³. Характерно, что А. М. Васильев разделял данную позицию Ф. Энгельса: «...в категориальном плане правоотношение мыслится как причина, а норма права — как следствие»²⁴. Вместе с тем далее А. М. Васильев без убедительных общенаучных аргументов выработал и другой вариант ответа: «Однако из диалектической логики вовсе не вытекает, что такая последовательность категорий... дана раз и навсегда... не может отражать связи... в современной действительности... норма права выступает как решающий фактор, формирующий образование правоотношения»²⁵. Как представляется, «современная действительность» вряд ли может влиять на диалектическую логику и быть достаточным общенаучным и теоретическим аргументом для такого варианта ответа.

В связи с изложенной дискуссией проблема соотношения «правоотношения-норма, — справедливо писал еще в 1977 г. Л. Я. Гинцбург, — традиционно признавалась одной из центральных в общей теории права»²⁶. Далее названный автор аргументировал свою точку зрения: «Господствующая в наше время в советской науке концепция решает эту проблему следующим образом. Право — совокупность норм, изданных государственной властью и обеспеченных государственным принуждением. Правоотношение — результат воздействия нормы права на фактические общественные отношения, находящиеся вне права. *Правоотношение “порождается” нормой права. Правоотношение не может возникнуть независимо от нормы права* (курсив мой. — В. Е.)»²⁷. Вместе с тем, на мой взгляд, юридический позитивизм, в соответствии с которым была выработана данная позиция, оставляет множество риторических

²¹ Васильев А. М. Указ. соч. С. 244.

²² Васильев А. М. Указ. соч. С. 253.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 546–547.

²⁴ Васильев А. М. Указ. соч. С. 254.

²⁵ Васильев А. М. Указ. соч. С. 255.

²⁶ Гинцбург Л. Я. Социалистическое трудовое правоотношение М. : Наука, 1977. С. 107.

²⁷ Гинцбург Л. Я. Указ. соч. С. 107.

вопросов без необходимых ответов. Например, первый: изданных только государством норм или имеются и другие источники права? Второй: существуют лишь нормы права либо имеются и другие общие и специальные правовые регуляторы? Третий: исполнение принятых актов обеспечивается только государством или также и другими органами, организациями и т.д.? Четвертый: правоотношение — это результат воздействия нормы права либо объективное «содержание, полученное из внешнего мира»? Пятый: результат воздействия на фактические общественные отношения или на фактические правоотношения в сфере правового регулирования? Шестой: правоотношение «порождается» нормой права либо «противоречиями» в фактических правоотношениях в сфере правового регулирования? На многие названные мною вопросы, думаю, общенаучно и теоретически убедительно ответил Л. Я. Гинцбург: «Неприемлема формула: нормы права порождают правоотношения. Норма... ничего не порождает и не может породить по своей природе»²⁸.

По обоснованному мнению Б. Л. Назарова, «до половины 30-х годов, — в соответствии с современной на тот период действительностью, — сложился определенный нигилизм в отношении к нормам права, доходивший до полного отрицания нормативного права. Главной же и даже первичной категорией... объявлялись правоотношения... “Водворение” норм права на их “законное” место происходит главным образом за счет умаления значения правоотношений»²⁹. Таким образом, в начале XX в. мы в нашей стране пережили одну крайность — «умаление» значения правовых регуляторов, а затем и другую — по существу, «умаление» правоотношений. Постепенно во второй половине XX в. и в начале XXI в. внимание к проблеме правоотношений возрастает³⁰.

Так, П. И. Стучка и Е. Б. Пашуканис без достаточных общенаучных аргументов, по существу, первичным правовым регулятором «отношений» признавали правоотношения. Например,

П. И. Стучка излишне категорично утверждал: «Мы говорим, что право является системой общественных отношений или известным порядком»³¹. Е. Б. Пашуканис, на мой взгляд, также недостаточно убедительно писал: «В материалистической действительности отношению принадлежит примат над нормой... Если известное отношение сложилось, — писал автор, — значит создано соответствующее право»³². Действительно, с одной стороны, «в материалистической действительности отношению принадлежит примат над нормой», однако, с другой стороны, на мой взгляд, «правоотношения» и «правовые регуляторы» — различные и несовместимые правовые категории.

Так, специалист в области философии права Д. А. Керимов выработал общенаучно достоверное заключение: «...нельзя же регулятор смешивать с тем общественным отношением, которое он регулирует»³³. В дальнейшем Е. Б. Пашуканис попытался выработать дополнительные аргументы: «...для анализа правоотношения в его простейшей форме нет необходимости исходить из понятия нормы... Достаточно взять в основу... юридическое отношение... и исследовать “законную” форму этого юридического отношения... Юридическое отношение не только дает нам право в его реальном движении, но и раскрывает наиболее характерные особенности права как логической категории. Напротив того, норма... как предписание должного в равной мере составляет элемент морали, эстетики, техники, как и права»³⁴.

Вместе с тем заключение, к которому пришел Е. Б. Пашуканис, вызывает множество самых разнообразных, полагаю риторических, вопросов. Например, первый: соответствует ли оно основополагающим положениям марксизма, в том числе изложенным в данной статье? Второй: имеются ли иные общенаучные и теоретические аргументы, на которых основываются выводы автора? Третий: если «достаточно» юридических отношений, то необходима ли «законная» форма юридического отношения?

²⁸ Гинцбург Л. Я. Указ. соч. С. 114.

²⁹ Назаров Б. Л. Социалистическое право в системе социальных связей. М. : Юрид. лит., 1976. С. 36.

³⁰ См., например: Назаров Б. Л. Указ. соч. С. 36.

³¹ Стучка П. И. Указ. соч. С. 1.

³² Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. М. : Изд-во Соц. акад., 1924. С. 44–46.

³³ Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 173–176.

³⁴ Пашуканис Ю. Б. Общая теория права и марксизм. М., 1926. С. 51, 54.

Четвертый: каким образом и какие «характерные особенности права как логической категории» «раскрываются» автором? Как известно, существует несколько видов различных норм, в том числе, например, нормы морали и техники. В то же время нормы права также традиционно признаются одним из видов норм, теоретически точнее — правовых регуляторов правоотношений. В этой связи возможно сформулировать пятый вопрос: имеются ли другие правовые регуляторы правоотношений, и если да, то какие? Наконец, шестой и главный вопрос: «правоотношения» и «нормы права» — однородные и совместимые правовые категории?

Другой вариант также дискуссионного «соотношения» правоотношения и норм права, как представляется, возник на основе абсолютизации и неточного толкования А. А. Пионтковским и С. Ф. Кечекьяном выводов классиков марксизма, содержащихся в работе «Немецкая идеология». «В истории права правоотношения, — писали они, — возникают первоначально из фактических отношений и получают цивилизационное выражение с развитием гражданского общества (курсив мой. — В. Е.)»³⁵. В приведенной цитате авторы специально заметили, что, во-первых, этот вывод относится только к «истории права», а во-вторых, в дальнейшем право и правоотношение «получают цивилизационное выражение с развитием гражданского общества». Вместе с тем, например, А. А. Пионтковский дискуссионно отнес данные выводы классиков марксизма также и современному ему периоду: «Связь и единство правовых норм и правоотношений едва ли можно отрицать. Эту связь можно и должно характеризовать как единство противоположностей потому, что это единство возможности и действительности (курсив мой. — В. Е.)»³⁶. Связь правовых норм и правоотношений действительно объективно существует, ибо «правовые нормы» — разновидность правовых регуляторов, их «организующих». Вместе с тем «единство» правовых норм и правоотношений представляется дискуссионным, не подтверждающимся обще-

научными и теоретическими аргументами. «Правовые нормы», а теоретически точнее — «правовые регуляторы» и «правоотношения» — различные, неоднородные и несопоставимые правовые категории.

В то же время С. Ф. Кечекьян занял в этом вопросе, по существу, компромиссную точку зрения. С одной стороны, он обоснованно писал «о генетическом примате повторяющихся фактических отношений, которые составляют питательную почву для возникновения обычая, а затем и законодательного акта»³⁷, признавал, что «отождествление права как системы общественных отношений, данное П. И. Стучкой в 1919 г., ошибочно именно потому, что оно приводит к отождествлению права с производственными отношениями. <...> Отождествление права непосредственно с “жизненными отношениями”, с “социальными отношениями”... с “порядком жизни общества” присуще различным сторонникам “социологического” направления...»³⁸. Вместе с тем, с другой стороны, представляется по меньшей мере дискуссионным другой вывод С. Ф. Кечекьяна: «Правовой характер соответствующим отношениям при отсутствии норм права придает правосознание индивидов господствующего класса»³⁹. С моей точки зрения, при отсутствии соответствующих норм права, может быть, имеются другие специальные правовые регуляторы данных правоотношений; также, может быть, наличествуют иные общие или специальные правовые регуляторы сходных правоотношений, которые возможно применять по аналогии?

Не могу разделить и следующую точку зрения С. Ф. Кечекьяна: «...в развитом классовом обществе конкретные правоотношения и общая норма существуют одновременно и в неразрывной связи, образуя единое целое»⁴⁰. Безусловно, так хотелось бы всем добросовестным участникам правоотношения. Однако в объективной и реальной действительности, в соответствии с проанализированными выше в настоящей статье общенаучными выводами классиков марксизма, первоначально возникают индивидуальные фактические отношения

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 311, 317.

³⁶ Пионтковский А. А. К вопросу об изучении общенародного права // Советское государство и право. 1962. № 11. С. 17, 23.

³⁷ Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 7, 23.

³⁸ Кечекьян С. Ф. Указ. соч. С. 7.

³⁹ Кечекьян С. Ф. Указ. соч. С. 27.

⁴⁰ Кечекьян С. Ф. Указ. соч. С. 23–24.

между индивидами, в дальнейшем общественные отношения, выработанные в обществе среди индивидов, из которых наконец выделяются правоотношения. С целью «организации» названных разновидностей отношений веками создавались и их специальные социальные, а в дальнейшем правовые регуляторы. При таких общенаучном, теоретическом и историческом подходах представляется дискуссионным и заключение С. Ф. Кечекьяна: «Норма права и правоотношения представляют собой единое целое, поэтому неправильно их... противопоставлять»⁴¹. Учитывая приведенные в настоящей статье общенаучные аргументы, полагаю, дискуссионно рассматривать правоотношения и нормы права, а теоретически точнее — правовые регуляторы правоотношений как «единое целое». С моей точки зрения, «правоотношения» и «правовые регуляторы правоотношений» — онтологически разнородные правовые категории; не являются однородными элементами единой системы права, содержащей разнообразные, но только онтологически однородные и лишь правовые регуляторы правоотношений.

Нетипичной по обсуждаемым вопросам, полагаю, возможно признать точку зрения Ю. К. Толстого, который пришел к следующему выводу: «...советские юристы обычно исходят из того, что норма права регулирует фактические общественные отношения, но не правоотношения; последние же рассматриваются как результат регулирования нормой права фактических отношений»⁴². Разделяя «тезис о регулировании нормами права лишь фактических общественных отношений», названный автор пришел к выводу, что «мы расходимся с его сторонниками при определении места и роли правоотношения в правовом регулировании»⁴³. Наконец, Ю. К. Толстой сделал неожиданное заключение: «Правоотношения — это посред-

ствующее звено между нормой права и теми общественными отношениями, которые составляют предмет правового регулирования»⁴⁴.

О. С. Иоффе, анализируя общественную природу правового отношения, убедительно писал: «Проблема правоотношения — одна из наиболее сложных и в то же время наименее разработанных проблем правовой науки»⁴⁵. Названный автор далее в целом обоснованно пришел к следующему мнению: «Правовые отношения составляют особый вид общественных отношений»⁴⁶. Вместе с тем, «характеризуя правоотношение как общественное, но как общественное отношение *sui generis*»⁴⁷, — считал он, — необходимо подвергнуть его параллельному анализу как с точки зрения *связи, в которой оно находится с иными общественными отношениями, так и с точки зрения специфики, благодаря которой оно выступает в качестве общественного отношения особого рода* (курсив мой. — В. Е.)»⁴⁸. Поражает, что в 1949 г. О. С. Иоффе выделил два принципиальных вопроса, стоящих перед наукой и в настоящее время: первый — связь правоотношений и общественных отношений; второй — специфика правоотношений. В частности, он высказал поразительную для того времени точку зрения: некоторые «общественные отношения только и могут существовать как отношения правовые...»⁴⁹. Примером общественных отношений этого вида О. С. Иоффе назвал отношения, возникающие в связи с предоставлением пособий многодетным и одиноким матерям в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944⁵⁰.

В специальной литературе по теории права в дальнейшем начали выходить отдельные работы, поддерживающие данную точку зрения. Например, общепризнанный в СССР лидер в сфере общей теории права Н. Г. Александров в 1955 г., по существу, констатировал

⁴¹ Кечекьян С. Ф. Указ. соч. С. 19.

⁴² Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л. : Из-во Ленинградского ун-та, 1959. С. 29.

⁴³ Толстой Ю. К. Указ. соч. С. 31.

⁴⁴ Толстой Ю. К. Указ. соч. С. 31.

⁴⁵ Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л., 1949. С. 3.

⁴⁶ Иоффе О. С. Указ. соч. С. 4.

⁴⁷ Единственное в своем роде. Указанное латинское выражение обозначает уникальность правовой конструкции.

⁴⁸ Иоффе О. С. Указ. соч. С. 4.

⁴⁹ Иоффе О. С. Указ. соч. С. 14.

⁵⁰ Иоффе О. С. Указ. соч. С. 15.

сложившуюся реальность: «...некоторые общественные отношения только и возникают как отношения правовые...»⁵¹. П. Е. Недбайло в работе «Применение советских правовых норм», изданной в 1960 г., на мой взгляд, сделал известный, но недостаточно определенный шаг вперед. «Пробел в праве, — писал он, — это пробел в содержании действующего права в отношении фактов общественной жизни, находящихся в сфере правового воздействия (курсив мой. — В. Е.)»⁵².

А. С. Пиголкин в 1970 г., с одной стороны, выработал теоретически более точное понятие — «сфера правового регулирования», однако, с другой стороны, к сожалению, не избежал отдельных неправовых и весьма неопределенных квазиправовых понятий, например «случай», «определенный вопрос» и «юридические средства». «Пробел в праве, — в том числе считал он, — случай, когда с очевидностью можно констатировать, что определенный вопрос входит в сферу правового регулирования, должен решаться юридическими средствами»⁵³. Однако главное заключается в том, что А. С. Пиголкин оставил без ответа вопрос, в каких отношениях возникает пробел — в правоотношениях или общественных отношениях. Как представляется, исследованные в настоящей статье ранее общенаучные аргументы позволяют выработать ответ на поставленный вопрос: в фактических правоотношениях в сфере правового регулирования.

В. В. Лазарев в специальной статье «Определение сферы правового регулирования» выработал другую, весьма неопределенную точку зрения: «Сфера правового регулирования есть совокупность отношений, складывающихся между людьми, сопровождающих их жизненных фактов и обстоятельств, которые объективно могут и с точки зрения современных задач государства должны быть или уже подвергнуты правовой регламентации»⁵⁴.

Выработанное указанным автором понимание «сферы правового регулирования» неизбежно вызывает несколько дополнительных вопросов. Например, первый: все-таки какие отношения включены В. В. Лазаревым в сферу

правового регулирования? Второй: могут ли сферой правового регулирования охватываться отношения между другими участниками, а не только отношения между людьми? Третий: могут ли в сфере правового регулирования содержаться «современные задачи» не только государства, но и других участников? Четвертый: какие «жизненные факты и обстоятельства» между людьми входят в сферу правового регулирования? На мой взгляд, к фактическим правоотношениям в сфере правового регулирования прежде всего возможно относить публичные и частно-публичные отношения между «каждым» и государством, а также актуальные частные отношения между индивидами, нуждающимися в государственной поддержке и защите, например фактические налоговые, гражданские, трудовые, жилищные и семейные отношения.

Понимая всю дискуссионность темы, предлагаю продолжить дальнейшие научные исследования по вопросам, лишь в какой-то степени затронутым мною, например тем, которые связаны с установлением, преодолением и устранением пробелов в сфере правового регулирования фактических правоотношений. Так, в специальной литературе содержится понятие «пробелы в законе». Прежде всего, во-первых, хотелось бы предложить ввести более определенное понятие — «пробелы в правовых регуляторах фактических правоотношений». Кроме того, в специальной литературе и национальных правовых актах также применяются и другие понятия (термины) — «аналогия закона» и «аналогия права». Поскольку по аналогии может применяться не только «закон», постольку, на мой взгляд, во-вторых, возможно предложить ввести в научный оборот другое понятие — «аналогия правовых регуляторов правоотношений, регулирующих сходные правоотношения». В-третьих, у внимательного читателя, думаю, не может не вызывать когнитивный диссонанс следующий вопрос: может ли быть преодолен пробел в праве по аналогии права? Ведь в праве существует пробел, т.е. отсутствует какой-либо правовой регулятор. Вместе с тем, как известно, в национальных

⁵¹ Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. С. 98.

⁵² Недбайло П. Е. Применение советских норм права. М., 1960. С. 456.

⁵³ Пиголкин А. С. Обнаружение и преодоление пробелов права // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 49.

⁵⁴ Лазарев В. В. Определение сферы правового регулирования. Избранные труды : [в 3 т.]. М. : Новая юстиция, 2010. Т. 2 : Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. С. 383.

правовых актах имеются, как это ни странно, различные ответы на данный вопрос.

Многие научные работники предлагают по аналогии права применять принципы права. Например, В. И. Леушин дискуссионно утверждал: «...по аналогии права принципы выполняют непосредственно регулирующую функцию и выступают единственным нормативно-правовым основанием правоприменительного решения»⁵⁵. Прежде всего необходимо заметить: даже сам автор констатировал, что «принципы права выполняют непосредственно регулирующую функцию и выступают единственным нормативно-правовым основанием правоприменительного решения». Теоретически точнее, думаю, было бы возможно в этом случае вывод сформулировать следующим образом: «принципы права — правовые регуляторы фактических правоотношений, “основание” правоприменительного акта». Характерно, что аналогичное мнение высказывают и, например, отдельные специалисты в сфере трудового права.

Так, А. В. Ашихмина в 1979 г. сделала «вывод о возможности преодоления пробелов при помощи аналогии права на основе правовых принципов, выводимых из совокупности юридических норм»⁵⁶. Вместе с тем в соответствии с концепцией интегративного правопонимания принципы права являются первичными правовыми регуляторами правоотношений, реализуемыми в государстве, в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и международного права, а не «началами», «идеями» и т.д. При таком общенаучном и теоретическом понимании природы принципов права, на мой взгляд, пробела в праве нет, пробел в праве мнимый.

Далее, считаю необходимым коротко остановиться на понятиях (терминах) «аналогия закона» и «аналогия права».

Во-первых, как известно, кроме закона имеются и иные правовые регуляторы правоотношений, например обычаи права и правовые договоры, которые могут реализовываться в необходимых случаях.

Во-вторых, правовые регуляторы, «организующие» сходные правоотношения, считаю, могут так же применяться по «анalogии правовых регуляторов», как и законы по «анalogии зако-

на». Кроме того, предлагаю дифференцировать понятия (термины) «пробел в праве» (а теоретически точнее — в «правовых регуляторах») и «отсутствие специальных правовых регуляторов». В случаях пробела в праве (а теоретически точнее — в правовых регуляторах) он должен быть оперативно устранен управомоченными правотворческими органами, организациями, лицами и т.д. Отсутствие же какого-либо правового регулятора правоотношений (например, закона) может быть преодолено правореализующими лицами посредством «организации» правоотношений иными имеющимися общими или специальными правовыми регуляторами, «организующими» сходные правоотношения, по аналогии «правовых регуляторов», а не по «анalogии только закона».

В специальной отраслевой литературе также традиционно рассматривается вопрос о соотношении правоотношения и договора. Например, В. Н. Скобелкин заметил: «...общепризнано, что основанием возникновения трудового правоотношения является трудовой договор, служащий... правовой основой его дальнейшего существования»⁵⁷. В этой связи весьма характерна статья 15 ТК РФ «Трудовые отношения»: «Трудовые отношения — это отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы) в интересах, под управлением и контролем работодателя, подчинении работника правилам внутреннего распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором». Как следует из указанной статьи, «мерами организации» «трудовых отношений» являются не только разнообразные правовые, но и индивидуальные регуляторы — трудовые договоры.

В то же время М. В. Лушников и А. М. Лушников в монографии «Очерки теории трудового права», изданной в 2006 г., написали: еще в

⁵⁵ Леушин В. И. Теория государства и права / отв. ред. В. Д. Перевалов. М. : Норма, 2005. С. 246.

⁵⁶ Ашихмина А. В. Аналогия в советском трудовом праве : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979. С. 34.

⁵⁷ Скобелкин В. Н. Трудовые правоотношения. М., 1999. С. 79.

1925 г. И. С. Войтинский «первым ввел в теорию советского трудового права понятие “трудовое правоотношение”, доказав не тождественность понятию “трудовой договор”»⁵⁸. О необходимости выделения понятия «трудовые правоотношения» писали также В. М. Догадов⁵⁹ и Н. Г. Александров⁶⁰. Необходимо заметить: такое понимание в начале XX в. лидерами теории советского трудового права во многом предвосхитило Рекомендацию № 198 с характерным названием «О трудовом правоотношении», принятую Генеральной конференцией Международной организации труда 15 июня 2006 г. В пункте 1 данной Рекомендации установлена цель ее принятия: «...гарантировать эффективную защиту работников, выполняющих свою работу в условиях индивидуального трудового правоотношения (курсив мой. — В. Е.)». В пункте 13 названного документа Международная организация труда установила: «Государства-члены должны предусмотреть возможность определения в своих законодательных и нормативных правовых актах, либо иными средствами, конкретных признаков существования трудового правоотношения. К таким признакам могли бы относиться следующие элементы:

а) тот факт, что работа: выполняется в соответствии с указаниями и под контролем другой стороны; предполагает интеграцию работника в организационную структуру предприятия; выполняется исключительно или главным образом в интересах другого лица; выполняется лично работником; выполняется в соответствии с определенным графиком или на рабочем месте, которое указывается или согласовывается стороной, заказавшей ее; имеет определенную продолжительность и подразумевает определенную преемственность; требует присутствия работника; предполагает предоставление инструментов, материалов и механизмов стороной, заказавшей работу;

б) периодическая выплата вознаграждения работнику; тот факт, что данное вознаграждение является единственным или основным источником доходов работника; осуществле-

ние оплаты труда в натуральном выражении путем предоставления работнику, к примеру, пищевых продуктов, жилья или транспортных средств; признание таких прав, как еженедельные выходные дни и ежегодный отпуск; оплата стороной, заказавшей проведение работ, поездок, предпринимаемых работником в целях выполнения работы; или то, что работник не несет финансового риска»⁶¹.

К сожалению, в полном объеме такие предложения восприняты не были. Вместе с тем в ТК РФ появилась часть третья ст. 16, в соответствии с которой «трудовые отношения возникают также на основании фактического допущения работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя в случае, когда трудовой договор не был надлежащим образом оформлен». Таким образом, законодатель, по существу, поддержал вывод о том, что даже при отсутствии надлежаще оформленного трудового договора установленные фактические трудовые правоотношения в дальнейшем необходимо «надлежащим образом оформить».

Следовательно, фактические трудовые правоотношения первичны. Федеральным законом от 28.12.2013 № 421-ФЗ в ТК РФ была введена статья 19.1 «Трудовые отношения, возникающие на основании трудового договора в результате признания отношений, связанных с использованием личного труда и возникающих на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями», в соответствии с которой такое признание может осуществляться как фактическим работодателем, так и в случае спора судом.

При возникновении спора фактический работник поэтому, как правило, обращается в суд с исковым заявлением «о признании возникших отношений трудовыми». В случае удовлетворения такого искового заявления суд, к сожалению, вправе вынести судебное решение только в пределах исковых требований: «признать отношения трудовыми». На стадии исполнения решения суда, вступившего в законную силу, у судебного пристава-исполнителя тради-

⁵⁸ Лушникова М. В., Лушников А. М. Очерки теории трудового права. СПб. : Издательство Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2006. С. 522.

⁵⁹ Догадов В. М. Очерки трудового права Л., 1927. С. 5.

⁶⁰ Александров Н. Г. Система оснований возникновения правоотношений по советскому праву // Известия АН СССР. Отд. экономики и права. 1945. № 5. С. 37–55.

⁶¹ Рекомендация № 198 Международной организации труда «О трудовом правоотношении» [рус., англ.] (принята в г. Женеве 15.06.2006 на 95-й сессии Генеральной конференции МОТ).

ционно возникает вопрос о том, как конкретно возможно исполнить данное судебное решение, поскольку трудового договора и приказа о приеме на работу нет.

Как представляется, более эффективный способ защиты установлен в абз. 6 части второй ст. 16 ТК РФ. Согласно данной норме трудового права, работодатель, который фактически допустил работника к работе, но не оформил трудовой договор, обязан это сделать по своей инициативе или по решению суда, если имеется спор. Поэтому в случае возникновения спора, на мой взгляд, фактический работник может обратиться в суд с исковым заявлением о вынесении судебного решения о заключении трудового договора. Следовательно, трудовые правоотношения возникли не из «нормы права» (они реально существуют), а из объективных фактических трудовых отношений, установившихся по соглашению фактического работника и фактического работодателя или уполномоченного им лица. Не оформлен только трудовой договор по вине фактического работодателя.

Таким образом, на мой взгляд, во-первых, трудовой договор и не может быть «правовой основой» трудовых правоотношений в силу своей природы, поскольку является лишь соглашением его сторон; действительной «правовой основой» трудовых правоотношений, на мой взгляд, возможно признавать национальные и международные правовые регуляторы трудовых правоотношений. Трудовой договор же, как правило, содержит дополнительные права и обязанности сторон. Во-вторых, к сожалению, нередко трудовой договор отсутствует, но фак-

тические трудовые правоотношения сложились, поскольку фактический работник допущен к работе руководителем либо уполномоченным им лицом. В этой связи общенаучно и теоретически более обоснованно, а практически — продуктивно не отождествлять, а дифференцировать категории «трудовое правоотношение» и «трудовой договор». Так, Э. Н. Бондаренко, по существу, обоснованно пришла к следующему выводу: «...трудовой договор может породить... трудовое правоотношение, в то время как последнее... может возникать не только из трудового договора»⁶².

Заключение

В заключении статьи, полагаю, возможно сделать следующие итоговые выводы.

Первый: фактические правоотношения возникают объективно и являются первичными по отношению к правовым регуляторам.

Второй: «правоотношения» и «общественные отношения» — парные категории, имеющие как общие, так и специальные признаки.

Третий: правоотношения «организуются» правовыми и индивидуальными регуляторами.

Четвертый: «правоотношения» и «правовые регуляторы правоотношений» — онтологически разнородные правовые категории.

Пятый: правоотношения и правовые регуляторы правоотношений не являются однородными элементами единой системы права, содержащей только онтологически однородные и лишь правовые регуляторы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М. : Госюриздат, 1955. 176 с.
- Александров Н. Г. Система оснований возникновения правоотношений по советскому праву // Известия АН СССР. Отд. экономики и права. 1945. № 5. С. 37–55.
- Ашихмина А. В. Аналогия в советском трудовом праве : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1979. 172 с.
- Бекбаев Е. З. Происхождение письменного права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2023. № 1. С. 7–20.
- Бондаренко Э. Н. Основания возникновения трудовых правоотношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 46 с.
- Васильев А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М. : Юрид. лит., 1976. 264 с.
- Винер Н. Кибернетика и общество. М. : Изд-во иностр. лит., 1958. 200 с.

⁶² Бондаренко Э. Н. Основания возникновения трудовых правоотношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 25.

- Гинцбург Л. Я. Социалистическое трудовое правоотношение. М. : Наука, 1977. 310 с.
- Догодов В. М. Очерки трудового права. Л. : Прибой, 1927. 163 с.
- Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та имени А.А. Жданова, 1949. 144 с.
- История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа / отв. ред. М. М. Розенталь. М. : Мысль, 1971. 536 с.
- Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972.
- Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 187 с.
- Лазарев В. В. Определение сферы правового регулирования. Избранные труды : в 3 т. Т. 2 : Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. М. : Новая юстиция, 2010. 504 с.
- Лушикова М. В., Лушиков А. М. Очерки теории трудового права. СПб. : Издательство Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2006. 938 с.
- Маркс К. Капитал: критика политической экономии. М. : Госполитиздат, 1953.
- Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. М., 1952.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1961.
- Назаров Б. Л. Социалистическое право в системе социальных связей. М. : Юрид. лит., 1976. 311 с.
- Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М. : Госюриздат, 1960. 511 с.
- Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. М., 1924. 160 с.
- Пашуканис Ю. Б. Общая теория права и марксизм. М., 1927.
- Пиголкин А. С. Обнаружение и преодоление пробелов права // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 49–57.
- Пионтковский А. А. К вопросу об изучении общенародного права // Советское государство и право. 1968. № 11. С. 15–25.
- Скобелкин В. Н. Трудовые правоотношения. М. : Вердикт-1 М, 1999. 370 с.
- Стучка П. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве. М. : Изд-во Ком. акад., 1924.
- Теория государства и права / отв. ред. В. Д. Перевалов. М. : Норма, 2005.
- Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 87 с.
- Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М. : Юрид. лит., 1974. 351 с.
- Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2016.

REFERENCES

- Aleksandrov NG. *Legality and legal relations in Soviet society*. Moscow; 1955. (In Russ.).
- Aleksandrov NG. The system of grounds for the emergence of legal relations under Soviet law. *Izvestiya AN SSSR. Otd. ekonomiki i prava*. 1945;5:37-55. (In Russ.).
- Ashikhmina AV. *Analogy in Soviet labor law*. Cand. Diss. (Law). Sverdlovsk; 1979. (In Russ.).
- Bekbaev EZ. The origin of written law. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Yuridicheskie nauki» [RUDN Journal of Law. Legal Sciences Series]*. 2023;1. (In Russ.).
- Bondarenko EN. *The grounds for the emergence of labor relations*. The author's abstract of Dr. Diss. (Law). Moscow; 2004. (In Russ.).
- Dogadov VM. *Essays on labor law*. Leningrad: Priboy Publ.; 1927. (In Russ.).
- Ginzburg LYa. *Socialist labor relations*. Moscow; 1977. (In Russ.).
- Ioffe OS. *Legal relations under Soviet civil law*. Leningrad; 1949. (In Russ.).
- Kechekyan SF. *Legal relations in a socialist society*. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ.; 1958. (In Russ.).
- Kerimov DA. *Philosophical problems of law*. Moscow; 1972. (In Russ.).
- Khalfina RO. *The general doctrine of legal relations*. Moscow; 1974. (In Russ.).
- Lazarev VV. *Definition of the scope of legal regulation. Selected works* [In 3 volumes]. Vol. 2. Gaps in legislation: Establishment, overcoming, elimination. Moscow: Novaya yustitsiya Publ.; 2010. (In Russ.).
- Lushnikova MV, Lushnikov AM. *Essays on the theory of labor law*. St. Petersburg: R. Aslanov Publishing House «Law Center-Press»; 2006. (In Russ.).
- Marx K, Engels F. *Essays*. 2nd ed. Moscow; 1961. (In Russ.).

- Marx K, Engels F. *Selected Works*. Moscow; 1952. (In Russ.).
- Marx K. *Capital: Criticism of political economy*. Moscow: Gospolitizdat Publ.; 1953. (In Russ.).
- Nazarov BL. *Socialist law in the system of social relations*. Moscow: Legal Literature Publ.; 1973. (In Russ.).
- Nedbaylo PE. *The application of Soviet legal norms*. Moscow; 1960. (In Russ.).
- Pashukanis EB. *General theory of law and Marxism. The experience of criticism of basic legal concepts*. Moscow; 1924. (In Russ.).
- Pashukanis YuB. *General theory of law and Marxism*. Moscow; 1927. (In Russ.).
- Perevalov VD. (ed.). *Theory of State and Law*. Moscow: Norma Publ.; 2005. (In Russ.).
- Pigolkin AC. Identifying and bridging legal gaps. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]*. 1970;3. (In Russ.).
- Piontkovskiy A A. On the issue of studying public law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]*. 1968;11. (In Russ.).
- Rozental MM. (ed.). *The history of Marxist dialectics. From the emergence of Marxism to the Leninist stage*. Moscow: Mysl Publ.; 1971. (In Russ.).
- Shershenevich GF. *Selected works: in 6 volumes*. Foreword, compiled by Krashenninnikov PV. Moscow: Statut Publ.; 2016. (In Russ.).
- Skobelkin VN. *Labor relations*. Moscow: Verdikt-1 M Publ.; 1999. (In Russ.).
- Stuchka P. *The revolutionary role of law and the state. General doctrine of law*. Moscow: Izd-vo Kom. akad. Publ.; 1924. (In Russ.).
- Tolstoy YuK. *On the Theory of Legal Relations*. Leningrad; 1959. (In Russ.).
- Vasiliev AM. *Legal categories: Methodological aspects of the development of a system of categories of the theory of law*. Moscow: Legal Literature Publ.; 1973. (In Russ.).
- Wiener N. *Cybernetics and Society*. Moscow; 1958. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ершов Валентин Валентинович, доктор юридических наук, профессор, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentin V. Ershov, Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Материал поступил в редакцию 10 января 2024 г.

Статья получена после рецензирования 10 апреля 2024 г.

Принята к печати 15 апреля 2024 г.

Received 10.01.2024.

Revised 10.04.2024.

Accepted 15.04.2024.